Адвокатская тайна в гражданском процессе: императивность иммунитета, пределы допроса адвоката в качестве свидетеля и защита информации в цифровых каналах связи

Насыров Родион Тимурович
Аспирант, Московский университет «Синергия», rodionnt2@gmail.com

В статье рассматривается институт адвокатской тайны в контексте гражданского судопроизводства. В исследовании доказывается, что доктринальное понимание свидетельского иммунитета адвоката нуждается в переосмыслении. Иммунитет адвоката, будучи императивным для суда как органа правосудия и адвоката как независимого правозаступника, между тем принадлежит доверителю и связан такими внутренними пределами как воля доверителя, факты, лежащие вне плоскости фидуциарных отношений «адвокат - доверитель», делинквентное поведение адвоката, самозащита. В статье предложен четырёхэлементный критерий ограничения адвокатской тайны посредством процессуального допроса. Проанализированы риски цифровых каналов связи (мессенджеры, электронная почта, облачные сервисы) и пробелы в цивилистическом процессуальном праве в части, касающейся запрета на использование доказательств, полученных благодаря компрометации института профессиональной конфиденциальности. В контексте рассмотренных концепций в настоящем труде сформированы предложения по реформированию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ключевые слова: адвокатская тайна, свидетельский иммунитет, допрос адвоката, гражданский процесс, допустимость доказательств, мессенджеры, цифровизация, тайна связи.

Введение

Эффективность состязательного процесса зависит от того, насколько свободно сторона может сообщить своему представителю все значимые обстоятельства дела, включая невыгодные для неё. Такая откровенность возможна только в случае уверенности, что сообщённое не будет повернуто против позиции доверителя. Поэтому институт адвокатской тайны неверно рассматривать исключительно в парадигме корпоративной привилегии. Она обеспечивает реализацию законного права личности в сфере правосудия [1] и принципа состязательности и равноправия сторон [2].

Своевременность обращения к данной теме обусловлена определяют три причины. Главным образом правоприменительная деятельность судов и доктрина исходят из формулы об «абсолютном характере иммунитета», которая в некоторой степени противоречит мнению в изложении Конституционного Суда Российской Федерации. Во-вторых, грань между делимитацией границ фидуциарных отношений по реализации конституционного права на защиту, и допросом защитника в роли очевидца событий нормативно не определена, а ГПК РФ не содержит специального механизма реагирования на нарушение иммунитета. Наконец, осязаемая доля коммуникации поверенного с доверителем перешла в цифровую среду. Эта среда регулируется нормами об информации, связи и персональных данных, которые ориентированы на иные интересы, а специального режима профессиональной конфиденциальности они не предусматривают.

Цель статьи – определить действительное содержание и границы адвокатского иммунитета в рамках гражданского судопроизводства и выработать способы обеспечения сохранности фидуциарной деятельности в цифровых каналах.

Конституционные детерминанты института образуют три группы норм: конфиденциальность коммуникаций, право на защиту и свидетельскую привилегию [1]. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (далее – Закон об адвокатуре) дает интерпретацию адвокатской тайны относительно обширно: ею охватываются массив информации, аккумулированный адвокатом в процессе реализации фидуциарных полномочий[3]. Принципиально важно, что определение построено по функциональному, а не по предметному критерию. Охране подлежат не только сообщения доверителя, но и его документы, позиция адвоката, консультации, а также сам факт установления контакта с целью получения помощи [4; 5].

Закон дополнительно закрепляет принцип конфиденциальности, исключающий допустимость расспросить юриста о сведениях, полученных от подопечного [3]. Схожая норма закреплена в ст. 69 ГПК РФ - лица, оказывающие профессиональное правовое содействие или содействующие примирению, освобождаются от обязанности участвовать в доказывании посредством предоставлении информации об обстоятельствах, доверенных им их клиентами [2].

Между этими нормами имеется различие, которое редко становится предметом специального анализа. Статья 69 ГПК РФ связывает иммунитет с процессуальной ролью (представитель по делу), а ст. 8 Закона об адвокатуре привязывает его к адвокатскому статусу и непосредственно к факту оказания помощи. То есть пределы защиты по Закону об адвокатуре шире: они касаются также досудебного консультирования и обстоятельств, не получивших процессуального оформления. В гражданском судопроизводстве предметом спора чаще становится именно этот пласт информации: переписка до заключения соглашения, предварительные оценки перспектив дела, внутренние заметки [5; 6].

Как известно, Конституционный Суд Российской Федерации экстраполировал профессиональной конфиденциальности на цивилистический процесс, основываясь на тезисе о том, что действие режима адвокатской тайны не может быть предопределено видом судопроизводства. Данный правовой режим симметрично применяется при представительстве в конституционном, гражданском и административном процессах, а также при оказании консультативной помощи [7]. Логика продвигаемого нарратива детерминируется тем, что в идентичных обстоятельствах выведение адвоката из-под требований свидетельствовать приравнивается к правовой защите сферы личного пространства гражданина.

Это коррелирует с тем, что истинное конституционное предназначение иммунитета преимущественно исходит из безусловного приоритета интересов доверителя над интересами адвоката [7; 8].

С теоретической точки зрения это определяет сущность рассматриваемой правовой конструкции. Адвокатская тайна есть правовое благо доверителя, а иммунитет адвоката есть средство его обеспечения [4; 9]. Из этого выводятся все дальнейшие пределы. Если иммунитет защищает частный интерес, то его объём и допустимые изъятия должны определяться этим интересом, а не партикулярным интересом представителя или суда.

Формула об абсолютном характере иммунитета верна в одном аспекте и неточна в другом. Она верна, когда речь идёт об обязанностях суда и процессуального оппонента. Суд не имеет права вызвать адвоката для допроса об охраняемых сведениях, оппонент не вправе ходатайствовать об этом, а полученные таким способом сведения не могут являться основой решения (ч. 2 ст. 55, ст. 60 ГПК РФ) [2]. В этом смысле норма императивна и не зависит от усмотрения суда.

Предложенная формула оказывается неточной, если трактовать её как абсолютно безусловную и не зависящую от воли доверителя. Конституционный Суд РФ выдвинул концепцию, в рамках которой законное право клиента на доверительные отношения с адвокатом не детерминируется как догматичное, так как гарантии конфиденциальности действуют лишь в отношении ограниченных связей, не покидающих пределы взаимодействия, полностью укладывающегося в рамки законной профессиональной юридической деятельности[10]. Анализ позволяет дифференцировать четыре основных предела адвокатской тайны.

Первый предел связан с волей самого доверителя. Данный иммунитет установлен только исходя из принципа лояльности к доверителю, поэтому последний вправе освободить своего адвоката от его обязанности сохранять тайну. Кодекс профессиональной этики адвоката определил, что процедура преодоления адвокатской тайны требует обязательного соблюдения двух условий: эксплицитного письменного согласия принципала и его оформления непосредственно при адвокате, что исключает риск оказания давления [11].

Интерпретативный подход органа конституционного правосудия квалифицирует ограничение профессиональной привилегии адвоката на молчание как правомерную при условии совпадения процессуального интереса защитника и его подзащитного [8]. Такое выражение воли обязано быть свободным, информированным и предметным: оно касается конкретных сведений, а не полного информационного массива по разбирательству. Ставя интересы правосудия и доверителя выше прочего, адвокат не обязан предоставлять информацию следственным органам и наделен легитимной возможностью отказаться, если по его профессиональной оценке раскрытие нанесёт вред иным интересам доверителя. Согласие, данное по одному делу, не снимает защиту со сведений, относящихся к другому поручению.

Второй предел заключается в отсутствии связи с реализацией профессионального долга. Сферой действия адвокатского иммунитета является исключительно профессиональная коммуникация, тогда как сведения, полученные в иной социальной роли, подлежат допросу.

В рекомендациях Адвокатской палаты города Москвы подчёркивается, что процессуальный статус свидетеля охватывает субъекта адвокатской сферы лишь в разрезе сведений, полученных за пределами его функциональной роли. [12]. В гражданском процессе это типичная ситуация: адвокат присутствовал при подписании договора как частное лицо, или был свидетелем дорожно-транспортного происшествия, состоял в семейных либо деловых отношениях со стороной.

Третий предел касается преступной деятельности самого адвоката. Применительно к исследуемому казусу адвокатская тайна не защищает действия, составляющие совершённое адвокатом преступление. Правовая позиция органа конституционного контроля по данному вопросу заключается в следующем: субъективное намерение сторон засекретить информацию не тождественно её правовому режиму как адвокатской тайны; Делимитация сферы действия гарантий исключает из нее отношения, носящие уголовный или противоправный характер [10]. Для гражданского процесса значение этой позиции косвенное, но принципиальное: иммунитет не создаёт зоны, свободной от ответственности. Если адвокат использован в схеме вывода активов или фальсификации доказательств, защита тайны не должна препятствовать установлению этих обстоятельств. При этом ответственность адвоката должна устанавливаться рамках легитимной процедуры, а не путём допроса о материальной стороне исполнения им поручения в цивилистическом процессе.

Четвёртый предел – самозащита адвоката. В спорах о взыскании вознаграждения, о возмещении убытков, причинённых ненадлежащим выполнением фидуциарных функций, или о наступлении дисциплинарной ответственности адвокат вынужден раскрывать деонтологическую сущность поручения. Кодекс профессиональной этики адвоката допускает использование сообщённых доверителем сведений только в объёме, соразмерном предмету доказывания в ходе процессуального противостояния между поверенным и доверителем или в качестве превентивной меры против дисциплинарного или уголовно-правового преследования, при условии недопущения излишнего разглашения [11]. В контексте цивилистического судопроизводства в этих случаях целесообразно ходатайствовать о применении режима закрытого судопроизводства и ограничивать круг исследуемых документов.

Резюмируя вышесказанное, иммунитет адвоката следует определять, как императивный, но не безусловный: он является обязательным для суда и оппонента, не может быть преодолён их усмотрением и допускает изъятия лишь в тех условиях, которые сами вытекают из его назначения. Этот вывод согласуется с позицией органа конституционного контроля. Суд подчёркивает, что норма ни в коей мере не создает правовых барьеров для выступления в процессуальной роли свидетеля при условии трансформации его правового статуса и гарантии соблюдения интересов клиента [8; 10].

Практическая проблема состоит исключительно в том, что запрет допроса сформулирован через оценочные категории («в связи с оказанием помощи»), которые суд применяет без нормативных ориентиров [9; 13].

ГПК РФ не признаёт доказательством сведения, в случае, когда свидетель не может раскрыть источник своей осведомлённости [2]. Применительно к адвокату этот источник и определяет режим: если данные были аккумулированы от клиента в рамках деонтологических отношений, В частности, путем доктринального анализа представленных документов или формирования процессуальной стратегии, они охраняются.

Достаточно, чтобы сведения были связаны с помощью, в том числе с обращением, не завершившимся заключением соглашения. Нормативной базой не закреплено формальное оформление отношений: охраняется весь массив данных, аккумулированных в ходе реализации фидуциарных полномочий [3].

При наличии документально подтвержденного волеизъявления, охватывающего конкретные сведения, допрос допустим [11]. Бремя подтверждения согласия лежит на стороне, которая о нём заявляет.

Если адвокат обеспечивает правовое сопровождение доверителя по делу, его допрос, как свидетеля по тому же делу, порождает конфликт ролей. Показания свидетеля и позиция представителя несовместимы, поэтому суд должен предложить сменить представителя, а адвокат обязан учитывать требования профессиональной этики [11; 12].

Показания, полученные с нарушением иммунитета, должны признаваться недопустимыми на основании ч. 2 ст. 55 и ст. 60 ГПК РФ [2]. Между тем, в сфере гражданской юрисдикции есть отличие, если в рамках уголовно-процессуальной формы, законом полноценно кодифицирована особая защита производства адвоката, то в гражданском судопроизводстве такой специальной нормы в текущих условиях нет.

Закон об адвокатуре предполагает, что вся информация, доказательства, документарные подтверждения, которые удалось собрать при проведении следствия и оперативно-розыскных мероприятий могут считаться информацией, на которой строится тезис обвинения, исключительно в условиях, когда эти сведения не состояли в производстве по делам доверителей адвоката [3]. Эта схема применения такой гарантии ориентирована, в частности, на публичные и правовые процессы. В случае проведения гражданского процесса аналогичный запрет приходится выводить из общих норм, что создаёт неопределённость, например, при использовании конфиденциального обмена информацией между доверителем и его адвокатом, сведения о котором были получены оппонентом от третьих лиц [6; 14].

Существует и тесно коррелирующий вопрос, который также имеет процессуальное значение - допустимо ли истребование у адвоката документов в рамках ст. 57 ГПК РФ? В казусах, когда рассматриваемые документы помещены в тома дела доверителя, они

наделены правовым иммунитетом по аналогии с показаниями. Судам следует придерживаться практики, при которой они отказывают в удовлетворении этих требований. При этом, у стороны, которая нуждающаяся в таких сведениях, остается возможность обратиться к доверителю напрямую [3; 15].

Режим конфиденциальности не подлежит редуцированию и сохраняется по завершении Исполнения поручения в рамках конкретного правоотношения. Для суда это означает, что вызов лица, ранее действовавшего по поручению доверителя, требует проверки, не охватывается ли предмет допроса прежним поручением.

Между адвокатом и доверителем обмен документами происходит через мессенджеры, электронную почту, облачные хранилища. Одновременно документы процессуального характера подаются в электронном виде. Исследователи отмечают, что фотографирование документов и их пересылка через мессенджеры повышают оперативность, но увеличивают угрозу деструкции фидуциарных отношений [14; 16]. Ключевая проблема в том, что конституционные гарантии тайны связи не учитывают особенности института адвокатской тайны [1; 17].

Обратимся к общим нормам, регулирующим режим адвокатской тайны. В соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» Фундаментальная гарантия приватности, вытекающая из конституционных положений, чтобы инвазивное вмешательство в канал связи и доступ к переписке (в том числе электронной) санкционировались судом [18]. Законом об адвокатуре дополнительно устанавливается обязательность вынесенного судебного решения для преодоления фидуциарной привилегии адвоката посредством следственных и оперативно-розыскных мероприятий [3]. Однако эти гарантии касаются публично-правовых процедур.

В судопроизводстве же гражданском появляется проблема иного характера, связанная с тем, что переписка доступна для анализа контрагентом (например, при доступе к устройству доверителя или сотрудника) и имеет доказательственное значение в письменной форме. Судьей как правило принимается взаимодействие посредством электронных каналов связи в случае если стороны вели коммуникацию таким способом, соответственно электронную переписку в мессенджерах признают доказательством, когда такой способ документооборота сложился и не запрещён договором [14; 16]. Следовательно, сама процессуальная возможность представления переписки не блокируется, а проверка её на предмет адвокатской тайны зависит от активности стороны и усмотрения суда.

В трактовке представителей адвокатского цеха на момент исследования адвокат, работающий с персональными данными клиента, пользуется сервисами, рамочные договоры которых не гарантируют сохранность и локализацию данных на территории Российской Федерации и защиту от распространения [19; 20]. Регуляторная среда быстро меняется, о чем свидетельствует, к примеру, принятие Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ, регулирующего среди прочего национальный мессенджер и особенности работы с информацией [21]. В профессиональной среде высказываются опасения относительно перехода на отдельные отечественные платформы, включая споры о наличии сквозного шифрования. Эти оценки нуждаются в независимой технической проверке. Одновременно сообщается об ограничениях голосовых и видеозвонков в ряде мессенджеров, что вынуждает пользователей переходить на иные каналы. Для адвоката это означает, что выбор канала определяется уже не только удобством, но и правовыми и техническими рисками.

Сравнительно-правовой ориентир предоставляет практика Европейского Суда по правам человека. В деле «Černý and Others v. the Czech Republic» (жалоба № 37514/20, постановление от 18 декабря 2025 г.) В мотивировочной части решения судебная инстанция констатировала, что специальная защита коммуникаций «адвокат – клиент» лишилась бы смысла, если бы не экстраполировалась на электронные сообщения, хранящиеся как на устройстве адвоката, так и на устройстве клиента [23]. После выхода Российской Федерации из Конвенции о защите прав человека и основных свобод эти позиции стали носить доктринальный характер, однако они показывают направление развития стандартов охраны профессиональной тайны в цифровой среде.

Рекомендации Федеральной палаты адвокатов по охране информационной сферы адвокатской деятельности предусматривают, помимо прочего, обозначение документов как составляющих адвокатское производство и указание на режим конфиденциальности всех передаваемых адвокату материалов [15]. Для цифровой среды практики предлагают использовать каналы со сквозным шифрованием и автоудалением сообщений, ссылки на файлы с паролем и ограниченным сроком действия, раздельные учётные записи под каждый проект. Следует учитывать, что эти рекомендации носят необязательный характер и ориентированы на средства, доступность которых в России меняется.

Системно проблема выглядит так: нормы о тайне связи защищают любого гражданина, нормы об адвокатской тайне защищают информацию независимо от канала, но нормы, обязывающие защищать данные в цифровой среде, не сформулированы применительно к адвокату. Поэтому профессиональная ответственность за выбор небезопасного канала лежит на адвокате, а механизма реагирования на утечку нет ни у доверителя, ни у суда.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие изменения.

Во-первых, дополнить ст. 69 ГПК РФ указанием, что допрос адвоката по обстоятельствам, включающим адвокатскую тайну, допускается только при условии предварительного письменного одобрения со стороны доверителя, охватывающего сведения, имеющие существенное значение. А также закрепить обязанность суда отказывать в возможности вызова адвоката, если из ходатайства следует, что предмет необходимого допроса относится к функционалу правового сопровождения.

Во-вторых, дополнить ГПК РФ нормой о недопустимости доказательств, полученных с нарушением режима адвокатской тайны, включая конфиденциальность переписки адвоката с доверителем, независимо от способа её получения. Это устранит зависимость от общей конструкции ч. 2 ст. 55 ГПК РФ и унифицирует подход с уголовным процессом.

В-третьих, определить порядок разрешения споров о наличии тайны: при заявлении стороны или адвоката суд решает вопрос о режиме сведений в закрытом заседании до их исследования, а доказательство остаётся изолированным до разрешения вопроса.

В-четвёртых, закрепить в Законе об адвокатуре обязанность принимать разумный Инструментарий защиты информационного контура в электронных каналах. Конкретные требования (классы допустимых каналов, шифрование, хранение) следует делегировать решению Совета Федеральной палаты адвокатов. Это позволит быстро реагировать на технологические изменения.

В-пятых, предусмотреть специальный режим для электронных средств коммуникации адвоката, включая изъятие и исследование устройств, по аналогии с гарантиями ст. 8 Закона об адвокатуре, с обязательным участием представителя адвокатской палаты.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать три вывода.

Во-первых, иммунитет адвоката в гражданском процессе правильнее характеризовать как императивный, но не безусловный. Он обязателен для судебной системы и участников процессуального противоборства, однако его границы определяются фидуциарным интересом: поручение доверителя, отсутствие связи сведений с оказанием помощи, преступная деятельность самого адвоката и необходимость самозащиты образуют допустимые изъятия.

Во-вторых, легитимность допроса адвоката обязана детерминироваться по совокупности четырёх критериев: источник осведомлённости, связь с оказанием помощи, воля доверителя, процессуальный статус адвоката в деле. Отсутствие в ГПК РФ специальных норм о недопустимости доказательственной информации, собранной в нарушение фидуциарного характера отношений, создаёт неопределённость, которую целесообразно устранить законодательно.

В-третьих, цифровая среда создаёт угроза деструкции деонтологического обязательства по сохранению тайны, которое актуальное позитивное право не покрывает. Гарантии сформулированы для публично-правовых процедур и не защищают от получения переписки через частные каналы и платформы, правовой режим которых нестабилен. Требуется сочетание законодательных гарантий, профессиональных стандартов Федеральной палаты адвокатов и технических мер.

Таким образом, адвокатская тайна в гражданском процессе должна пониматься не как абсолютная корпоративная привилегия,

а как императивный институт защиты интереса доверителя, пределы которого определяются его назначением. Закрепление в ГПК РФ специальных правил о допросе адвоката, недопустимости доказательств, полученных с нарушением тайны, и порядка разрешения споров о режиме сведений, а также установление обязанности адвоката принимать разумные меры охраны информации в цифровых каналах позволят согласовать состязательность судопроизводства с конституционным правом на профессиональную юридическую поддержку. Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирическое исследование судебной доктрины по делам о защите фидуциарного характера переписки адвоката и клиента с доверителем и на сопоставление режима адвокатской тайны в арбитражном и административном процессах.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Санников Д. В. Гражданско-правовой режим адвокатской тайны // Ex jure. 2022. № 4. С. 90–100. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-90-100.
5. Сангаджиев Б. В. Использование конфиденциальной информации в уголовном и гражданском процессе и институт адвокатской тайны // Образование и право. 2016. № 1. С. 165–171.
6. Сангаджиев Б. В. Адвокатская тайна и проблемы осуществления судопроизводства по уголовным и гражданским делам // Образование и право. 2015. № 1. С. 145–158.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По запросу Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 2.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3429.
9. Ланина В. С. Функционирование института свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 80–88. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (ч. I). Ст. 7682.
11. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (с последующими изменениями) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2.
12. Рекомендации Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания и в суды (утв. протоколом от 25.11.2022 № 7) // Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. URL: https://www.advokatymoscow.ru (дата обращения: 15.10.2026).
13. Лобанов Н. С. Свидетельский иммунитет как гарант достоверности показаний в цивилистическом процессе // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66).
14. Ягодина С. В. Использование СМС-сообщений, переписки в мессенджерах и сети Интернет как доказательств в гражданском процессе // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2. С. 77–83.
15. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 30.11.2009, протокол № 3) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2010. № 1.
16. Сагитов С. М., Сагитова Е. В. Особенности использования электронных документов как доказательств в гражданском процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 5. С. 38–42.
17. О связи: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
18. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
19. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
20. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
21. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2026).
22. Case of Černý and Others v. the Czech Republic, no. 37514/20, Judgment of 18 December 2025 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 15.10.2026).

Attorney-client privilege in civil procedure: the mandatory nature of immunity, limits of examining a lawyer as a witness and protection of information in digital communication channels

Nasyrov R.T.

Moscow University «Synergy»

The article examines attorney-client privilege in Russian civil procedure. The author argues that the thesis of the "absolute" nature of a lawyer's testimonial immunity needs refinement: the immunity is mandatory for the court and the lawyer, but belongs to the client and has internal limits (the client's will, facts unrelated to legal assistance, the lawyer's own criminal activity, and self-defence). A four-element test for the admissibility of examining a lawyer as a witness is proposed. The article analyses the risks of digital communication channels (messengers, e-mail, cloud services) and gaps in civil procedure legislation concerning the inadmissibility of evidence obtained in breach of privilege. Proposals for amending the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Law on the Bar are formulated.

Keywords: attorney-client privilege, witness immunity, examination of a lawyer, civil procedure, admissibility of evidence, messengers, digitalization, secrecy of communications.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
3. On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2002, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. Art. 2102.
4. Sannikov D. V. The Civil Law Regime of Attorney-Client Privilege // Ex Jure. 2022. No. 4. pp. 90–100. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-90-100.
5. Sangadzhiev B. V. The Use of Confidential Information in Criminal and Civil Proceedings and the Institution of Attorney-Client Privilege // Education and Law. 2016. No. 1. pp. 165–171.
6. Sangadzhiev B. V. Attorney-Client Privilege and Issues in the Conduct of Criminal and Civil Proceedings // Education and Law. 2015. No. 1. pp. 145–158. 7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 8, 2005, No. 439-O "On the request of the Sovetsky District Court of the city of Lipetsk regarding the constitutionality of Part 4 of Article 165 and Part 1 of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2006. No. 2.
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 6, 2000, No. 128-O "On the complaint of citizen Viktor Vasilyevich Parshutkin regarding the violation of his constitutional rights by Clause 1 of Part 2 of Article 72 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and Articles 15 and 16 of the Regulation on the Bar of the RSFSR" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 33. Item 3429.
9. Lanina V. S. The Functioning of the Institution of Witness Immunity in Civil Procedure // Bulletin of the Moscow City University (MGPU). Series: Legal Sciences. 2024. No. 1 (53). pp. 80–88. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.08.
10. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2015, No. 33-P "In the case concerning the constitutionality of Clause 7 of Part 2 of Article 29, Part 4 of Article 165, and Part 1 of Article 182 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 52 (Part I). Item... 7682.